

ДАРЬЯ ОСКИН

Образ
ЖЕНЩИНЫ
в ИСКУССТВЕ

КАК МЕНЯЛСЯ
ИДЕАЛ КРАСОТЫ
от НЕФЕРТИТИ
до МАРЛЕН ДИТРИХ

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 8

Древний Египет.
Красота как бессмертие 14

Древняя Греция.
Красота как мера 30

Древний Рим.
Женщина между порядком
и страстью 50

Средневековье.

Женщина между земным
и божественным 70

Возрождение.

Новые архетипы
женственности..... 96

Барокко.

Аффект, театр и власть 124

Рококо.

Век женщин 152

Классицизм.

Рассудочная красота. 178

Романтизм.

От музыки к мифу. 202

Реализм и импрессионизм.

Современная красота 226

Импрессионизм.

Красота мгновения. 236

Модерн.

Эстетика соблазна и рождение
femme fatale 258

Ар-деко.

Холодное очарование гламура .. 288

Вторая половина XX века.

От объекта к субъекту.....320

Заключение 362

Посвящается моей дочери Анне-Амелии

Введение

**«Кто создан из камня — не выдержит пламени.
Кто создан из дыханья — вернётся опять».**

Марина Цветаева

Эта книга рассказывает о том, как менялся образ женщины в искусстве — от древних богинь до конца XX века. Изображая женщину, художники на протяжении веков создавали целые визуальные миры. В одни эпохи женская красота выражала божественный порядок, в другие — бунт, духовность, утрату или надежду. Но во всех случаях через неё проявлялось главное — желание человека постичь собственную природу. Поэтому говорить о женском образе в искусстве — значит говорить о том, как менялось наше представление о человеке, о теле, о душе и о самом понятии красоты.

В Древнем Египте женская красота связывалась с идеей порядка и вечности. Здесь тело подчинялось строгому канону, выражавшему божественный замысел. В рельефах и фресках царицы и богини изображались с тем же идеальным овалом лица, тонкими руками и плавной линией тела, что и жрицы или жёны вельмож. Женщина в египетском искусстве воплощала связь с вечностью, идею непрерывности жизни.

В античном мире идеал женской красоты приобретает философское измерение. В Греции тело становится воплощением разума и меры. «Афродита Книдская» Праксителя, мраморные коры и изображения богинь в вазописи выражают представление о гармонии, о красоте как части космоса. Искусство Греции формирует основу европейского канона, в котором красота связана с этикой и внутренним содержанием. В Древнем Риме представление о женской красоте становится более земным и индивидуализированным. Если греческое искусство стремилось к идеальной форме, то римское акцентирует личность и характер. В мраморных портретах матрон, императриц и знатных женщин эпохи Августа появляется психологическая достоверность. Римская культура связывает женскую красоту с достоинством, благородством и социальной ролью.

В отличие от абстрактного греческого идеала, римское искусство видит в женщине гражданку, супругу, мать — участницу общественной жизни.

С приходом христианской культуры отношение к красоте меняется. В Средние века тело теряет самостоятельную ценность и становится хрупким сосудом души. В живописи центральным образом эпохи становится фигура Богородицы — в ней соединяются материнство, сострадание и святость. Художники сознательно отказываются от натурализма: условные пропорции, вытянутые силуэты, золотой фон должны были подчеркнуть духовное, а не физическое измерение. В женских образах художники старались передать сияние духа, наделяя тело метафизическими свойствами.

Эпоха Возрождения возвращает красоте её права, утраченные в Средние века. Художники вновь обращаются к идее гармонии и к античному идеалу меры. Женское тело снова становится центром мироздания, выражением божественного в человеке. В картинах Сандро Боттичелли, Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана красота соединяет земное и небесное: она не противопоставлена духу, а соразмерна ему. Возрожденческий идеал женственности строится на равновесии разума и чувственности, формы и внутреннего света — именно он формирует основу европейского представления о красоте на многие столетия вперёд.

В эпоху барокко идеал женской красоты становится более чувственным и драматичным. Гармония Возрождения сменяется экспрессией и движением. Женское тело в живописи наполняется энергией, становится «земным» и осязаемым. В образах Рубенса, Ван Дейка, Караваджо, Джентилески красота обретает темперамент и даже драматические свойства, соединяя в себе страсть и религиозное

чувство. Женщина в искусстве барокко — активное начало, она выражает как земное, так и духовное переживание одновременно.

*XVIII век приносит новое понимание
женственности.*

После тяжеловесного барокко наступает эпоха утончённых удовольствий. В живописи рококо — у Фрагонара, Буше, Ватто — женщина становится олицетворением изящества. Красота перестаёт быть героической и становится более социально ориентированной. Это время, когда женский образ оттачивается модой, образом жизни, манерами. Сквозь изящество рококо уже видна эпоха Просвещения, где красота связана с разумом, воспитанием, внутренней свободой и гражданской позицией.

Классицизм прививает красоте свои идеалы. Женское тело вновь подчинено канону, но теперь этот канон опирается не на религиозную символику, а на философию разума и гражданской добродетели. В образах художников Давида и Энгра красота становится выражением моральных принципов, гармонии тела и духа. Романтизм, сменивший классицизм, противопоставляет этому идеалу чувство и индивидуальность. Женщина теперь — загадка, муза, источник вдохновения. В портретах Делакруа, в поэзии Байрона и Гёте возникает новая героиня — эмоциональная, хрупкая, живущая не по норме, а по чувствам. Романтизм открывает в женской красоте глубину, психологизм и новое измерение.

С XIX века женская красота становится темой наблюдения и интерпретации.

Художники ищут не внешней формы, а содержания — в настроении, характере и внутреннем мире портретируемой. У импрессионистов женщина растворяется в свете и мгновении, у прерафаэлитов — становится недостижимым духовным идеалом, у модернистов — *femme fatale*. Параллельно развивается реализм, который отказывается от украшения действительности. У Курбе и Домье женщина показана вне условных эстетических рамок — как трудящаяся единица мира. Реализм делает шаг к тому, чтобы показать женщину в её реальном социальном положении, без прикрас и полутонов.

Переход к модернизму в конце XIX — начале XX века радикально меняет сам принцип изображения. Художники больше не стремятся передать внешнее сходство. Их интересует структура восприятия, движение формы и внутренний ритм. У Матисса женская фигура становится условной и цветовой, у Пикассо — аналитической, разложенной на плоскости и объёмы. Красота становится свойством художественного языка. Её образ используется для проверки границ искусства: где ещё возможно изображение? Что остаётся от красоты, если убрать гармонию, перспективу, полноту формы? Вопросы, которые раньше решались на уровне внешнего, теперь переходят в область смысла.

С середины XX века возникает феминистское искусство, которое не просто изображает женское тело, но анализирует его роль в культуре. Художницы — Джуди Чикаго, Мириам Шапиро, Марина Абрамович — используют своё

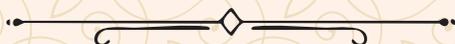
тело как художественный материал. Перформанс и акционизм заменяют изображение, вместо вопроса «что есть красота?» Возникает вопрос: «кто определяет, что считать красивым?» Теперь образ рождается не в глазах смотрящего, а в самой женщине. Красота перестаёт быть внешним стандартом и становится внутренним движением.

С этого момента и начинается современная история женственности — между реальностью и цифровым изображением — формируется эстетика XXI века.

Древний Египет. Красота как бессмертие

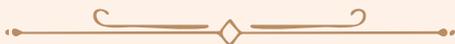

«Был бы я зеркалом твоим,
Чтобы ты на меня лишь всегда глядела.
Был бы я одеянием любимым,
Чтобы всегда лишь меня ты носила.
Был бы водою я чистой,
Чтобы тело твоё лишь собой омывать.
Был бы я притиранием редким,
Чтобы ты только мной умасалась.
А ещё повязкой поверх груди твоих
И ниткой бус, что на шее,
Был бы я и сандалией ног твоих,
чтобы только во мне ты опору нашла».

Отрывок из египетской любовной поэзии.
Папирус Честербети 1, 14013 в, до н. э. Британский музей.

В тот жаркий августовский день в Нью-Йоркском Метрополитен-музее было непривычно тихо. Я бесцельно бродила по залам древнеегипетского крыла. Среди бесконечных витрин с артефактами ушедших царств моё внимание привлёк необычный объект — фрагмент женского лица, вырезанный из жёлтой яшмы. Поразительно, но это были... губы! Фрагмент этот был мал, не больше детской ладони. Я стояла перед ним долго: симметрия, гладкость, выразительность этих губ заворожили меня. Выяснилось, что они принадлежали царице Тие, жене фараона Аменхотепа III, жившей в Египте три тысячи лет назад.

С образом египетской женщины на протяжении тысячелетий ассоциировались и красота, и тайна. Искусство Древнего Египта оставило нам образы величественных и загадочных женщин, таких как Нефертити, Хатшепсут, Нефертари, Клеопатра. Одним из самых известных объектов, олицетворяющих канон древнеегипетской красоты, является знаменитый полихромный бюст царицы Нефертити, который сейчас хранится в Берлинском музее.

Его почти идеальная сохранность, яркость красок и царственная грациозность, с которой изображена царица, производят невероятное впечатление даже на современного зрителя.

Что мы, люди двадцать первого столетия, можем увидеть в этих чертах? Красоту, соблазн, чувственность, власть?

